

Уголок глаза Тан Сяоу незаметно дёрнулся.

— Я отравлен, но и с тобой что-то не так! Ты мой брат, о ком же мне ещё заботиться, как не о тебе? Я, конечно, сказал, что надо побыстрее, но даже самый быстрый мужчина не настолько быстр, как ты. Если ты такой быстрый, наверное, это преждевременная эякуляция, и после женитьбы жена точно будет на тебя жаловаться.

— Чушь собачья! Как у такого здоровяка, как я, может быть преж-преждевременная эякуляция? — покраснел Бай Иньфэн.

— Тогда потерпи ещё немного, посмотрим, как долго ты выдержишь, — сказал Тан Сяоу и в тот же момент резко толкнулся.

— Ай! Нет, не так быстро! — Бай Иньфэн бессильно попытался остановить его.

— Опять не нравится, что я быстрый? Ты меня совсем запутал.

Тан Сяоу, насаживая его на чувствительную точку, притворялся непонятливым. Под внешней простоватостью сквозила какая-то соблазнительная порочность.

Бай Иньфэн почувствовал, что Тан Сяоу над ним издевается, и ему стало досадно:

— Где ты таким словам научился? Небось ночами не спишь, подслушиваешь других?

— А Фэн так спрашивает, не потому ли, что сам подслушивал? — Тан Сяоу злонамеренно провёл головкой по уязвимому месту Бай Иньфэна.

Чувствительная точка у Бай Иньфэна находилась так неглубоко, что наткнулся на неё случайно, не говоря уже о том, когда намеренно стимулировал её кончиком.

Это обстоятельство крайне удивило Тан Сяоу. У такого бесчувственного типа, как Бай Иньфэн, оказалось такое соблазнительное тело, которое так легко возбуждалось и доводилось до состояния течки, — непонятно, счастье это или беда.

Но он не собирался пока рассказывать об этом Бай Иньфэну, иначе тот мог больше никогда не позволить ему прикасаться к себе.

— Врёшь... я... я нет! — Бай Иньфэн, мучимый каждым его толчком, говорил прерывисто, почти не сдерживая стоны.

— Помедленнее... медленнее, м-м... я больше не могу терпеть... ай!

Бай Иньфэн думал, что в этот раз продержится дольше. Он слышал, что в первый раз из-за нетерпения или сильного давления кончают быстро, так что Тан Сяоу просто нагнетает, поэтому не особо волновался. Но и во второй раз он продержался недолго.

Стимуляция внутреннего прохода сделала его самоконтроль ещё слабее. Хотя он хотел протянуть руку, чтобы придержать кончик и предотвратить ранний оргазм, он невольно обхватил ствол члена, дрожа и помогая семени излиться поскорее.

Тан Сяоу не останавливал его, только насмешливо наблюдал за его потерянным после оргазма лицом.

— А Фэн, ты опять истек. Когда-нибудь я приготовлю тебе отвар десяти всесовершенных

тоники, чтобы подкрепить тебя!

Бай Иньфэн в немоги прикрыл лицо локтем, выглядя довольно жалко.

— Обо мне не беспокойся! Лучше о себе позаботься!

Тан Сяоу знал, что если будет дальше дразнить его, тот поймёт, что у него ещё есть силы и он не настолько отравлен, чтобы умереть, поэтому сосредоточился на том, чтобы трахать его тело.

Даже такая грубость, казалось, не могла причинить ему вреда, в отличие от необходимости быть осторожным с Юнь Тао. Длинное мужское тело под ним обретало растоптанную чувственность, притягивая Тан Сяоу, желавшего получить больше.

Но ведь это всё же его брат, с которым он вырос, нехорошо слишком сильно издеваться над ним за один раз. Для начала можно слегка попробовать, а там видно будет.

Тан Сяоу наконец достиг пика, впрыснув всю семенную жидкость в задний проход Бай Иньфэна, и тут же почувствовал полное удовлетворение, которое, казалось, было даже приятнее, чем впервые с Юнь Тао.

Вероятно, потому что Юнь Тао был человеком, которого он ценил всю жизнь, поэтому он немного нервничал и не смог проявить себя в полной мере. Но его потенциал, несомненно, был, не зря же в нём течёт кровь Долины Вечной Жизни.

Тан Сяоу внутренне ликовавал, взглянул на Бай Иньфэна и увидел, что на его лице нет испарины, энергия ци в избытке. Видимо, те два раза, когда он кончал, были просто результатом переполнения обычной мужской семенной сущности и полного отсутствия самоудовлетворения.

Верхняя одежда Бай Иньфэна не была снята, но в ходе активных движений слегка растрепалась, обнажив часть груди у ворота. Сейчас он тяжело дышал, и грудь его поднималась и опускалась вместе с дыханием.

Тан Сяоу мысленно ахнул: Бай Иньфэн преподнёс ему так много сюрпризов, что он сосредоточился только на его ногах и ягодицах, а ведь совсем забыл о возжеленной большой груди!

Не будет ли слишком нарочито, если сейчас наброситься и начать мять её?

Бай Иньфэн хотел подняться с кровати и найти свои штаны. Но едва пошевелившись, он почувствовал тупую боль в нижней части тела, вынудившую его схватиться за поясницу и скривиться от боли.

— А Фэн, тебе нехорошо? — Тан Сяоу поспешил приблизиться и обнял его за талию. Талия была тонкой, но чувствовалась гибкой и сильной, под одеждой прощупывался тонкий слой мышц на животе, приятный на ощупь.

Бай Иньфэн сбросил его руку.

— Отдохну немного, и всё пройдёт. В конце ты действовал слишком жёстко.

С этими словами он поднял штаны и медленно стал надевать их.

Тан Сяоу незаметно убрал руку:

— Если бы я не прилагал усилий, боялся бы не кончить. Наверное, из-за отравления так получилось. А Фэн, тебе где-нибудь плохо? Боюсь, передал тебе яд.

— Всё в порядке, только внизу немного болит, — проявил заботу Бай Иньфэн. — Яд в тебе, кажется, прошёл?

— Конечно... — Тан Сяоу на полуслове изменил фразу:

— Не так-то просто пройдёт, просто подавлен на время.

Когда он вошёл в тесное узкое отверстие Бай Иньфэна и его обволокли мягкие влажные внутренние стенки, большая часть его внутреннего жара рассеялась. В тот момент он понял, что вовсе не отравлен, просто кровь Долины Вечной Жизни, подавляемая годами, пробудилась в один миг, и чтобы она утихла, нужно сделать это несколько раз, подобно тому, как знаменитый меч, вынутый из ножен, должен сначала убить несколько человек, чтобы скрыть драгоценное сияние клинка.

Изначально, выбрав Юнь Тао, он планировал провести с ним несколько дней неги, и всё бы прошло, но Юнь Тао ушёл слишком рано, оставив его пылать от страсти, которую было нечем утолить.

Раз Бай Иньфэн спросил, ему следовало честно во всём признаться, но только что Бай Иньфэн оттолкнул его руку — наверное, он уже начал сожалеть, так что рассказывать ему правду, естественно, нельзя.

Действительно, Бай Иньфэн после минутного колебания осторожно спросил:

— Так дальше продолжаться не может, ты не можешь прикасаться к женщинам, но, наверное, всё же можешь к другим мужчинам. Раньше я не додумался: кроме публичных домов, мы можем сходить и в заведение для мальчиков...

Сердце Тан Сяоу упало. Вот именно! Все эти люди, переспав с ним, тут же начинают жалеть! Что же он сделал не так?

— Все они продают тело, какая разница? Я не выношу такого, больше при мне не упоминай, у меня брезгливость!

— Когда у тебя появилась эта дурная привычка? Я не знал!

Тан Сяоу понизил голос:

— Появилась после того, как отомстил в публичном доме.

— Значит, я только ушёл, а у тебя сразу появилась? Не может быть такого совпадения!

— Верь, если хочешь, — равнодушно произнёс Тан Сяоу.

— Значит, в следующий раз ты ко мне не обратишься? Мы же братья! — изумился Бай Иньфэн.

— Заранее предупреждаю: этот раз — последний!

— Почему братья не могут? Разве для братьев не нормально помогать друг другу решать такие проблемы?

— Помогать друг другу — это нормально, но разве у тебя не брезгливость? Я часто весь в поту,

ненамного чище других. Может, найти тебе мальчика-девственника из заведения...

Тан Сяоу горько усмехнулся:

— А Фэн, видимо, ты не очень понимаешь, что такое брезгливость. Это болезнь души: даже если ты знаешь, что человек кристально чист, но если он долго находился в грязном месте, ты всё равно будешь сомневаться, не касался ли он грязных людей и не передаст ли тебе грязную болезнь.

Бай Иньфэн не полностью поверил:

— У тебя серьёзная болезнь!

— Не будем об этом. Сейчас у меня нет приступа, наверное, стало немного лучше, можно пока не беспокоиться. Хочешь обтереться тёплой водой, чтобы освежиться и смягчить боль?

Бай Иньфэн засомневался:

— Не надо, пожалуй, я дома помоюсь.

Большая часть жидкости на его ногах была его собственной, семя Тан Сяоу, казалось, не вытекло — то ли его было слишком мало, то ли ещё почему.

— Нет, нужно, после мытья будет чище, — Тан Сяоу уже встал и направился на кухню.

Бай Иньфэн изначально хотел уйти, но, видя его инициативу, не захотел отвергать его добрые намерения.

Только когда тот вышел за дверь, Бай Иньфэн осознал, что после того, как Тан Сяоу сломал дверную задвижку, дверь так и осталась неплотно прикрытой. Хотя эта задняя гора и была безлюдной, сюда иногда заходили гуляющие.

[Примечание автора: Наверное, я забыл сказать, что Малыш Инь — натурал. Вытираю пот.]

<http://bllate.org/book/15610/1393576>